

Мне пришлось привыкать к той одежде, которую от меня ожидали. Я не могла просто начать одеваться в мужские вещи и ожидать, что все это примут. Мария уже могла похвастаться большим и разнообразным гардеробом - платьями, ночными рубашками, блузками, юбками и нарядными рубашками. У меня была некоторая свобода выбора того, что я хотела бы использовать, но для того, чтобы вписаться в образ Марии, было важно погрузиться в него как можно глубже. По большому счету, чтобы выполнить работу, я совершал гораздо более унижительные действия, чем ношение платья. Я просто помнил, что стала Марией и что никому не покажется странным, что я ношу свою собственную одежду. Тем не менее, в современной моде было много элементов, с которыми я не могла согласиться. Корсеты использовали многие женщины, пытаясь придать себе более изящную фигуру. Я же предпочитала иметь возможность нормально дышать.

Вся тяжесть расхождения между моей прежней и новой личностью стала очевидной, когда я зашла в отдел нижнего белья одного из многочисленных бутиков высокого класса, расположенных вдоль главной аллеи. Со всех сторон на меня обрушилась радуга пастельных тонов, украшенная лентами и цветочными узорами, тщательно вплетенными в каждую шелковую деталь. Это была не моя естественная территория. Франклин отказался идти со мной, отводя глаза и заявляя, что "женский отдел - не место для такого мужчины, как я".

Я это очень остро почувствовала.

Но я была Марией Уолстон-Картер. Какая девушка в моем возрасте не занимается подобными вещами? Я уже испытала удачу, став опытным спортивным стрелком, это было просто для того, чтобы уравновесить ситуацию. Я шла медленно, чтобы создать впечатление, что не тороплюсь и внимательно изучаю каждый вариант. Для меня каждый набор трусов и бюстгалтеров был одинаковым, только разного цвета и материала. Я уже выбрала для себя что-то разумное и темное еще до того, как вошла в помещение. Разумное было в дефиците, но его вполне хватало, чтобы целую неделю ходить в чистом белье, не прибегая к его чистке. Я заплатила за набор белья и вернулся к Франклину.

– Не нужно так краснеть. Разве тебе самому не нужно нижнее белье?

Он проворчал:

– Между мужским и женским... ну, вы понимаете, есть много различий. Невежливо пялиться.

Я просто издевалась над ним.

Я успешно выполнила все свои дела за рекордно короткое время. Мы вышли из магазина и отправились обратно по главной аллее. По дороге мы слышали сильный шум. Я заметила небольшой деревянный помост, который кто-то установил на обочине площади, и теперь на нем стоял человек, который пытался разрушить собственные голосовые связки, крича во всю мощь легких. Игнорировать его слова было невозможно. У него даже была деревянная табличка с броским лозунгом, чтобы придать ему вид протестующего на краю улицы. Небольшая толпа раздраженных зрителей собралась, чтобы попытаться перекрыть его.

– Компромисс - это не более чем инструмент парламентариев для контроля за порядком в нашей стране! Вальсер сотни лет процветал под руководством нашей королевской семьи - нам не нужны эти "законодатели", не имеющие божественного права управлять! Неужели мы так

легко забыли о том, что семья Ван Вальсеров раз за разом защищала нас от зла? Мы идем к собственной гибели!

Франклина это не забавляло:

– Так вот из-за чего они так шумят в последнее время? Как глупо.

– Кто-нибудь обязательно нападет на него, если он не будет осторожен, – прошептала я.

Франклин скорчил гримасу и отвел нас подальше, пока этого не произошло. Раны, нанесенные внутренним конфликтом, для некоторых были еще свежи. Те, кто стремился модернизировать страну путем демократической революции, и те, кто верил, что старые порядки будут продолжать служить ей. С точки зрения монархистов, компромисс был совсем не компромиссом. Он служил исключительно для того, чтобы посягнуть на традиционные полномочия королевской семьи и не позволить ей вмешиваться в дела парламента.

Таких людей, как этот одинокий протестующий, было много. Они кричали в пустоту в смутной надежде, что их точка зрения сможет поколебать массы. Так уже было тысячи раз с сотнями других самозваных революционных лидеров. В эпоху укоренившихся властных структур одного лозунга было недостаточно. Потребуется время, чтобы люди смирились с новой формой правления, но они не хотели сжигать все дотла, чтобы вернуться назад. Сначала правительство должно было разозлить их непосредственно своей политикой.

– Они не более чем помеха. Неужели им нечем заняться? – в отчаянии сказал Франклин.

– Нет ничего плохого в том, чтобы высказывать свое мнение, по крайней мере до тех пор, пока кто-то не возмутится.

Франклин был настроен скептически:

– Что толку от голоса одного человека? Вряд ли семья Ван Вальсеров последует его рекомендациям и вновь заявит о своей власти. – Он сделал паузу, осознав, что говорит о политике и текущих событиях с человеком, который меньше чем вдвое моложе его. Будет лучше, если я не стану развивать эту тему, чтобы не вызвать ненужных подозрений.

– Не могу сказать, что я разбираюсь в этом вопросе.

Я был очень хорошо знаком с этим вопросом. Это был один из тех случаев, когда я проводил глубокие исследования, используя отцовские газеты. Спустя годы после случившегося это все еще оставалось темой для всех, расколовшей общество Вальсера пополам и вызвавшей значительные волнения. Автор пытался заложить основу для последующих сиквелов и спин-оффов, но я так и не сыграла ни в один из них. Все, что я знала, могло быть просто неиспользованной декорацией. Теперь, когда я жила в мире, который воплотил в реальность события, это приобрело новое значение. Было вполне реально, что эти события со временем затронут и меня.

– А. Думаю, я был бы счастливее, если бы не знал, мэм, но что сделано, то сделано. Мы все должны жить в одно время вместе, к лучшему или худшему. Я с радостью могу с уверенностью заявить, что вам не стоит беспокоиться о таких вещах.

Мне оставалось только молчать, и я так и поступила. Оставшаяся часть прогулки прошла без происшествий, пока мы не подошли к парковке, где стояла наша карета. Я сразу же заметила, что одна из женщин, идущих навстречу, смотрит на нас. По сгорбленной фигуре и

беспокойным рукам я определила, что это карманница. Мои инстинкты подтвердились, когда она намеренно заступила мне дорогу и попыталась "случайно" столкнуться со мной. Я замерла на месте, не давая ей возможности продемонстрировать ловкость рук, необходимую для похищения моей сумочки. Ее глаза расширились в незримой панике, когда ее рука встретилась с пустым воздухом.

Я не ожидала, что она попытается сделать это еще раз после того, как уже промахнулась в первый раз. Ее рука вытянулась, как свернувшаяся гадюка, и попыталась пробраться в мой карман, но я уклонилась от этого движения и просунула свою ногу между ее ногами, зацепив заднюю часть стопы и толкнув ее. Она взвизгнула и упала назад от простого приема самообороны. На человека с хорошей подготовкой он бы не подействовал. Франклин, наконец, понял, что происходит, и прыгнул между нами, чтобы защитить меня от опасности.

– Немедленно уберите руки от юной госпожи!

Она вскочила на ноги и бросилась бежать, затерявшись в толпе, и скрылась из виду прежде, чем он успел ее остановить. Франклин был в ярости от того, что кто-то попытался ограбить меня в его присутствии, и еще больше от того, что не заметил этого в первый раз. Я проверила остальные карманы и убедилась, что все на месте.

– Похоже, я цела и невредима, Франклин.

– Мы должны поговорить с полицией и попросить их...

Я прервала его:

– Полиция не сможет найти ни одного карманника по моему описанию. И у них есть проблемы поважнее. – Франклин поворчал, но согласился с моим мнением. Заявление в полицию было бы огромной потерей времени для всех участников инцидента. Заявление просто бросят в постоянно растущую кучу других ненасильственных поступков и будут месяцами игнорировать. Насильственная преступность была главной проблемой того времени, и правительство не преминуло направить полицию на борьбу с ней.

– Хозяин будет в ярости, – с отчаянием отметил он.

– То, чего он не знает, его не беспокоит. Я же не пострадала и не была ограблена.

Франклин возразил:

– Я не могу хранить молчание по вопросам, касающимся вас, госпожа. Это единственная важная обязанность, которую он возложил на меня. Поступая так, я предаю и его, и ваше доверие.

Я могла бы приказывать ему делать все, что я пожелаю, но не видела в этом смысла. Франклин собирался доложить отцу, независимо от того, с какой стороны на меня напали. Это раздражало, потому что он непременно установит новые правила, чтобы оградить меня от неприятностей. Будучи единственной наследницей нашей ветви семьи, он хотел как можно лучше защитить наши общие интересы.

– Если ты так хочешь поступить. Я не буду возражать. – Франклин не был уверен, обидел он меня или нет своим упрямством, но его преданность работе и моему отцу была выше, чем преданность мне. Мы вернулись в карету и подождали, пока лошади восстановят силы, прежде чем отправиться в университетский городок. Это была насыщенная событиями поездка, но не

такая тяжелая, как могло бы быть в худшем случае. Убийца не последовал за мной.

На обратном пути я пыталась придумать новый подход.

Клавдий начинал разочаровываться. Его инстинкты кричали ему, что что-то происходит. Все учителя стали вести себя по-другому, и никто из его класса не заметил, что обещанный урок практической магии на прошлой неделе так и не состоялся. Вместо этого их поспешно собрали обратно в класс, чтобы прочитать лекцию по некоторым из будущих тем. Все началось после их третьего совместного занятия во дворе. Клавдий вспоминал все прочитанные книги и черпал в них вдохновение. Когда Таддеус Джонс застрелял во время разгадки тайны окровавленного занавеса, он вернулся к началу истории и нашел важную подсказку.

Клавдий заметил, что некоторые преподаватели бродят по тренировочной зоне. Несмотря на это и отмену практического занятия, ученикам не было дано указаний держаться подальше от этого места. Если он собирался найти ключ к разгадке, то это должно было быть именно это место. Мария и Фелипе остались, чтобы поговорить друг с другом. О чем они говорили? И как это соотносится с поведением персонала впоследствии? Это требовало тщательного и детального исследования места.

Поначалу казалось, что ничего не изменилось. Все манекены были на своих местах, как и метки на траве. Но кое-что все же привлекло внимание Клавдия. Одно из деревьев было повреждено. Светлый цвет, обнаживший внутреннюю часть, делал его очень заметным издалека. Он наклонился и присмотрелся. Со ствола была содрана кора. Несколько острых кусков торчали наружу, как будто они подверглись сильному удару. Его воображение заработало, перенося его в тот момент, когда Мария и Фелипе столкнулись друг с другом вдали от посторонних глаз и ушей. Обменялись резкими словами, бросили друг на друга угрожающие взгляды, а затем последовал первый удар!

Тук!

По академии разнесся треск старой коры, когда Мария нанесла сокрушительный удар. Клавдий содрогнулся, представив, какой страх должен был охватить Фелипе, когда он обнаружил, что находится в чистых водах с кровожадной акулой! С его стороны не последовало бы никаких возражений, пока Мария демонстрировала свое превосходство над ним. На самом деле это был след, оставшийся после того, как пуля под небольшим углом врезалась в дерево. Клавдий никогда прежде не видел пулевого отверстия вживую, и побочные повреждения относительно мягкого дерева скрыли от него этот факт.

– Не могу поверить, что Мария могла сделать что-то подобное, – пробормотал Клавдий. Такие соображения, как требуемая сила, раны, которые могли остаться на ее костяшках, и логические ляпы, которые он совершал, были всего лишь фоновым шумом перед лицом непреодолимого и быстро развивающегося заговора. Клавдий навел справки о Фелипе и Беатрис Букер, и ему стало известно, что они были обручены, чтобы пожениться после окончания школы. Это была самая ясная мотивация, которую он мог придумать. Пыталась ли Мария как-то использовать Фелипе в своих интересах? Пыталась ли она заставить его разорвать помолвку ради своих зловещих целей?

Какова бы ни была причина, он не собирался мириться с такой подлой несправедливостью! Повернувшись на пятках, он зашагал обратно к главному зданию с головой, полной безумия, и грудью, полной бравлады. Он собирался в свое время разоблачить Марию как злодейку, которой

она была. Все, что ему сейчас было нужно, - это свидетельские показания, подтверждающие его правоту.

<http://tl.rulate.ru/book/90478/3857334>